

A dramatic forest scene with sunlight rays filtering through tall trees. The image is dark, with the sun low on the left, creating a strong lens flare and illuminating the forest floor and tree trunks with golden light rays. The trees are tall and slender, their trunks forming a rhythmic pattern. The ground is covered in green moss or grass, and the overall atmosphere is mysterious and magical.

Александр Вовк

Лучик-Света

12+

Александр Вовк
Лучик-Света

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вовк А. И.

Лучик-Света / А. И. Вовк — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Романтическая психологическая драма. Советские семидесятые. Милая молодая пара: он — перспективный зам. главного инженера «оборонки»; она в его подчинении. Трогательные отношения, красивый роман, предсвадебное путешествие. Море, рестораны, приключения, розы и взаимное обожание. Но этот радостный мир вдруг взорвался, когда судьба включила одному из влюбленных обратный отсчёт. Всё изменилось. И быт, и цели, и приоритеты, и желания, и воспоминания... А как же любовь? Что стало с ней и возлюбленными, как преобразились их отношения, что они пережили, как боролись, Читатель узнает, прочитав эту трогательную быль, никого не оставляющую равнодушным.

© Вовк А. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2.	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Посвящается светлой памяти Светланы Головки

Эта история приключилась в середине восьмидесятых, еще в незабвенном Союзе. Он тогда пребывал в зените своей экономической, социальной, научной, военной, образовательной и иной силы и славы. Всё это, однако, – поясняя для совсем уж далёкого от СССР Читателя, – не исключало множества недостатков и пороков.

Но это лишь факт! Его следует принять к сведению! Поскольку он абсолютно достоверен, а романтическая повесть, которую Читатель намерился прочитать, мало связана с упомянутыми пороками, но все события протекали именно на советском фоне, определяя тем самым и поведение ее героев.

Автор подчеркивает это на всякий случай, если Читатель, впитавший в себя правила общественной жизни более поздних времен, станет мерить жизнь действующих лиц повести сегодняшним аршином.

Часть 1

Глава 1

На неуютном морском побережье только чайки кричали громко и противно, собираясь в большие атакующие стаи, и нагло выпрашивали, у кого придется, легкую добычу, да крупная бездомная собака озабоченно трусила куда-то вдоль волны, свернув голову набок и проверяя носом в сыпучем песке свои редкие находки.

Несмотря на пять утра, солнце взобралось уже высоко, правда, ещё не раскалив вокруг себя характерный белесый круг. Он в этих краях появляется ближе к полудню.

Сбивчиво перебирая многочисленные воспоминания, я добрел до края бетонной дамбы, нагло вторгшейся в море на добрые полста метров. Чуток постоял на ее краю, почти над самой водой, представляя тебя в том же беленьком платице. Оно невероятно подчеркивало твою молодость, стройность и красоту. Затем, стараясь не рассыпать так понравившийся тебе букет, бросил все пятнадцать роз в спокойную и прозрачную до песчаного дна воду.

Солнечные блики обволокли погружающиеся растения причудливыми фигурками, непрерывно меняющими затейливую геометрию света, да несколько мелких рыбёшек, шустро подлетев, заинтересованно пощипали темно-красные цветы.

«И всё! И никому нет до нас дела! И только нам всё это знакомо до мелочей и дорого! – подумалось мне. – Ты ведь тоже должна всё помнить, мой Лучик. Вот и я ничего не забыл! И в который раз прошу у тебя прощения, которого, сам знаю, не заслуживаю... Да ты теперь и не сможешь меня простить! Никогда...»

Через пару часов пляж оживет энергичными и шумными усилиями тех, кого природа, как таковая, едва ли здесь волнует. Отдыхающих даже море привлекает всего-то его потребительской стороной. Здесь так бывает всегда! И будет всегда!

Женщин тут более всего заботит красота собственной кожи, покрытой специальным лосьоном для загара или, напротив, от загара, да свободные мужчины из числа слоняющихся рядом, валяющихся на песке или барахтающихся в море.

Мужчинам интересны карты, баночное пиво, бескрайний водный простор, позволяющий до приятной усталости разминать мышцы, да женщины, проявляющие именно к таким мужчинам легко читаемый интерес.

Малышню, как обычно, здесь трудно отогнать от воды, которую она вдохновенно взмучивает, возводя из влажного песка замки и запруды. Вся эта мелочь неустанно плещется, хохочет и старается незаметно от зазевавшихся матерей окунуться как можно глубже.

Очень скоро под жарким южным солнцем станет тесно от слившегося в единое целое разноцветья подстилок и изнывающих от зноя человеческих тел. Тесно окажется даже во взбаламученной воде, причем, тем хуже, чем ближе к берегу.

Пляжное море я не люблю. Хотя, что толку говорить о том, если давным-давно я живу бесконечно далеко отсюда; никак море не связало меня и профессией. Тем не менее, в минуты редкой встречи оно меня волнует настолько, что от восторга перехватывает дыхание.

И я не претендую на оригинальность! Право же, редко кого так же не будоражит эта живая громада с ее непонятной переменчивостью, и скрытая от большинства отдыхающих ее стихийная мощь.

Всё именно так! Но, вполне возможно, что причина моих волнений кроется лишь в ностальгии. В том, что родился я в удивительном городе Одессе. И с первых лет, как себя

помню, пропадал у моря. И летом, и зимой! И потому не могу понять, как можно не любить и это море, и этот город, даже ругая его изо всех сил, часто по делу!

Все одесситы любят только своё море – только Черное. И не признают иного. Оно и понятно! Черное – оно же, с какой стороны не поглядеть, самое-самое! Не Балтийское же, в конце концов, любить, мелкое и несолёное! Тем более, не Каспийское! Хотя и крупное, но всего-то озеро! На худой конец, еще об Охотском или море Лаптевых можно предметно поговорить!

«Так это ваши неприятности!» – объяснят одесситы любому, испытывающему трудности выбора предпочтений!

Но мне, как-то не принимающему во внимание реальную географию, до сих пор странно, почему же и в Батуми всё то же Черное море, как в моей Одессе? Впрочем, что бы ни говорили, море здесь всё равно другое, будто не настоящее, будто и созданное-то лишь для этих вот ненормальных отдыхающих, которые по собственной воле изнуряют себя с утра до вечера на знойном пляже, а потом гордо называют это утомительное безделье самым желанным отдыхом!

Я люблю море другое – не летнее, а холодное, отчаянно бьющееся в тех берегах, которые ему скупно отвела природа, и которые для его стихийной природы бывают столь тесны! Оттого иной раз оно неистово рвется наружу и ломится, и всё крушит, и размывает. А потом – дай ему лишь время – смиряется со своей судьбой и плещется уже вяло, даже бессильно, словно, ластится и извиняется за проявленную ненароком несдержанность.

Я люблю море сильное, море страшное, море свирепое. Не зовущее искупаться или позагорать, а такое, как было при нас с тобой! Море живое и бурное, не на шутку распоясавшееся и угрожающее гибелью любому, кто рискнет ему противостоять.

Я люблю поздней осенью ходить по песку, скрипящему ракушками, ещё не до предела измельченными. Люблю подставляться порывам студеного и влажного ветра, пока совсем от него не продрогну. Люблю касаться ладонями соленой волны, когда она выдыхается и, смочив мои ладони, шурша отступает, смешиваясь с теми массами зеленой пучины, которые и выдавили ее для захвата берега, не наделив для того достаточной мощью.

Я люблю растянувшийся на километры морской берег, когда вокруг почти никого. Когда никто и никому не в тягость.

В такое время абсолютное спокойствие и неосознанная радость охватывают мою душу. И даже предельная открытость и незащищенность широченного морского пространства, отчего-то пугающего многих, привыкших к тесному и назойливому городскому миру, меня не беспокоит. Точно так случается даже в открытом море, с его уходящим в бесконечность горизонтом. Так бывает и на длинной и широкой полосе оставленного всеми берега. Моя усталая душа, переполненная воспоминаниями, которые еще недавно были невыносимыми, но теперь слегка затуманились, здесь отдыхала всегда.

Отдыхает она и теперь! Потому-то я не стремлюсь в Одессу летом. В это время у моря бурлит неутомимый человеческий муравейник. А в нём разомлевшие от жгучего солнца пляжники, уплотненные естественной стесненностью пространства, лежат слоями и создают непривлекательную для меня атмосферу.

Впрочем, что же я всё о ней, о своей Одессе? Я ведь в Батуми. Опять в Батуми. Именно с тех-то пор, с наших пор, меня сюда и тянет. Тянет на этот берег. И иногда тяготение становится настолько сильным, что, кажется, не приехал бы я сразу сюда, бросив всё и вся, то уже не смог бы избавиться от ощущения, будто изменяю тебе, изменяю и себе, не выполняя данную когда-то клятву.

Помнишь, Светлана, под конец октября мы оказались в субтропическом батумском рае с его диковинными для нас пальмами. То ли погода тогда чересчур капризничала, то ли поздне-осенний календарь распугал даже заядлых курортников, но мы бродили по безлюд-

ному, сколько видит глаз, прибрежному песку, резво отскакивая от пузырящихся и шуршащих волн, и почти всё время молчали.

Молчание нас не тяготило, скорее, оно объединяло, поскольку любые слова в те минуты лишь отвлекали от наладившегося между нами телепатического контакта. Нам без слов всё было ясно. И представлялось легким, простым и приятным. Бесконечно далеко отступили навязчивые мирские заботы, ничего не тревожило празднично настроенные души, в которых, казалось, всё пребывало в покое и на своих законных местах.

Весь мир предстал перед нами в самом лучшем виде, и всё нас радовало!

Но лишь потом мне ясно, как же мы были наивны! И с чего это вдруг мы уверились, будто столь же прекрасной наша жизнь будет и впредь?

Ах, да! Вполне понятно! Влюбленные не способны заглядывать в своё будущее! Им всё и вся представляется в розовом цвете. Сегодня и завтра, и вечно... Но как же часто они ошибаются! Или даже всегда! Скорее, в чём-то всегда! Только осознают они это значительно позже, когда впервые больно ударяются об острые углы реальной жизни. Вот тогда они удивленно распахивают глаза и обнаруживают, что розовых цветов вокруг не осталось и в помине! И с этим приходится считаться! Считаться в большей степени, нежели с прежними приятными иллюзиями!

Вот и я тогда, как они, эти глупые влюбленные, оказался настолько наивен, что с легкостью и размахом планировал нашу с тобой жизнь, играя столь таинственным словом – «всегда»!

Оно ведь связано с вечностью, которая для смертных упрятана в немыслимой и недостижимой дали. Вечность живет лишь там, где мерцают недоступные звезды, где в тысячелетнем прошлом плещется древнее море. Но она невозможна в нашей короткой жизни! Она несовместима со столь беззащитной и ранимой биологией, на основе которой нас, много о себе мнящих, сотворила, словно, балуясь, кудесница-природа. И если некий самонадеянный смертный, просто чудак, идеализируя действительность и себя, всё же станет оперировать понятием вечность, то он, по меньшей мере, поэт! Но, скорее всего, просто глупец!

По всему видать, и я оказался бесконечно глупым, слепо понадеявшись на нашу неуязвимость, гарантированную, как мне казалось, накотившим счастьем. За это и расплачиваюсь теперь с лихвой, не ощущая рядышком твоего дыхания. Лишь брожу и вспоминаю тебя на этом берегу, где нужен был лишь тебе.

А тогда я глядел на тебя жадно, не моргая, чтобы не пропускать самые малые мгновения, и от восторга, от близости к твоей красоте счастливо и глупо смеялся, что для меня, надо думать, не очень характерно.

Временами ты намеривалась убежать, игриво приглашая за собой, но и сама тут же тормозила, чтобы со смехом, балансируя на одной ноге, высыпать из туфли всепроникающий песок, а я любовался твоей изящной фигуркой, голосом и милой красотой каждого движения. Ты давно стала мне очень дорога и я, позволив себе отупеть от безусловного счастья, впервые за тридцать лет осознал, что ни за что не хочу потерять столь невероятную женщину! Я хочу быть с тобой всегда! Хочу, чтобы и ты хотела быть со мной всегда! Я остро чувствую, что теперь не смогу жить как раньше, не смогу существовать вдали от тебя. Но если такое не по нашей воле вдруг случится, то я останусь инвалидом, с болью лишившись большей части самого себя. Сердце моё разорвется или что-то иное случится, уж, не знаю, но абсолютно уверен, что вся последующая жизнь превратится в непрерывный поиск тебя, в стремление вернуть тебя... Ведь мы успели прорости друг в друга!

Глава 2.

А помнишь, Светка, как банально мы с тобой познакомились? Я был тогда хорош! До сих пор удивляюсь, вспоминая, как же я умудрялся не замечать тебя всякий раз, забегая по делам в конструкторское бюро? Но ведь не замечал! Бесконечно долго не замечал!

Ты представляла собой сверкающий всеми гранями бриллиант, а я, слепец, обходил это яркое чудо стороной!

В общем, такое, конечно же, можно и понять, поскольку производственных задач у меня в руках и в голове всегда вертелось великое множество, а их решение до сих пор обходилось без контакта с тобой. И всё же, благодарю свою судьбу за то, что мы в какой-то миг встретились! И, видимо, какой-нибудь Купидон, не упустив момента, поразил меня в самое сердце. Поэтому, выделив тебя из множества наших девчат, я надолго заболел именно тобой. И мысль о необходимости нашего знакомства стала для меня столь же важной, как и решение любой, самой сложной, самой интересной производственной задачи.

Разобравшись в течение недели в самом себе (что уж тут разбираться, если не мог забыть!), я приблизился к тебе за час до окончания рабочего дня, даже не подыскав заумного или остроумного предлога. Но уже по тому, как ты оторвала взгляд от кульмана, переведя его на меня, – пытливо и доброжелательно, – я догадался, что не буду опозорен твоим отказом, буду прощен, хотя при знакомстве с женщинами легко себя никогда не чувствовал.

– Если вы пока не замужем, могу после работы вас проводить! – выдавил я из себя какую-то чушь, пришедшую на ум экспромтом и дающую право думать обо мне не слишком лестно.

Ты, наверное, не хотела моего конфуза, поскольку ответила сразу, сопроводив свои слова милым, доброжелательным, но смеющимся взглядом и голосом:

– Вашему условию я отвечаю!

– Какому условию? – глупо уточнил я.

– Как же? – удивилась ты, опять со смехом. – Вы же сами спросили, не замужем ли я? Пока! А я как раз – пока!

Я тоже засмеялся, и мне с тобой стало легко и просто.

– Тогда я у проходной подожду... Вы уж не прячьтесь среди подруг! – с бесхитростной надеждой попросил я.

Ты опять, тряхнув в знак согласия копной светлых волос, мило, но тихонько, чтобы не привлекать внимания коллег, засмеялась, а я на выросших за спиной крыльях полетел к главному инженеру, чтобы обязательно всё намеченное завершить до конца дня.

Тем не менее, я не успел! Я опоздал почти на полчаса! Потому, когда торопливо, признавая всю глупость и безнадежность сотворенной мною же ситуации, проскочил через проходную, веселая и озабоченная предстоящими планами толпа давно схлынула.

Я сделал несколько шагов в никуда, тоскливо почесывая затылок и проклиная свою бестолковость, – ведь мог договориться на более позднее, более надежное время, – но вдруг услышал за спиной твой чудесный и лукавый голосок, от которого моё настроение сразу перевернулось, а сердце бешено застучало:

– Сергей Петрович! У нас и дальше будет так же?

– Что будет? – оборачиваясь, радостно и растерянно уточнил я.

– Уж, не знаю! – опять засмеялась ты. – Назначаете свидание, а сами не являетесь! Разве так можно?

– А вы разве меня знаете? – выдал я вместо естественного извинения за опоздание.

Ты мило качнула из стороны в сторону копной золотистых волос и еще веселее хохотнула:

– Если бы я не знала заместителя главного инженера, то что бы я вообще здесь знала?

– Ну, да! – затупил я. – Может, отодвинемся от проходной родного НПО? В какую сторону вам удобнее?

Вместо ответа ты с кокетливой хитринкой поинтересовалась:

– Ну, а моё имя вам интересно узнать?

– Боже мой! Извините, я еще там... Но всё! Вынырнул! Каюсь и признаюсь – этот вопрос меня давненько беспокоил, но спрашивать я почему-то не решался! Смешно?

– Нет! Я наблюдала за этим с печалью! Ведь на работе вы робким не кажетесь! Знаете, мне по случаю пришлось присутствовать при пересудах наших болтушек, а уж они всё о вас знают: и что не женат, и что неплохую карьеру успели сделать, никого не подставляя, не заносчивы, и что не курящий, не гуляющий, как будто... Неужели они в вас ошиблись? – ты опять лукаво рассмеялась. – Мне направо! А куда вам – смотрите сами! – и медленно пошла, покачивая в такт модной сумочкой на длинном плечевом ремне.

Я нерешительно направился за тобой. И уже всё в тебе, и даже связанное с тобой, мне больше и больше нравилось. За исключением собственного положения недотепы, роль которого, похоже, ко мне приклеилась основательно. Надо поскорее изменить направленность нашего разговора, но заранее ничего подходящего я впопыхах не заготовил, а придумать что-то по ходу не получалось.

– Вы хотите, чтобы я угадал ваше имя? – наконец выдавил я, мучительно сознавая свою первобытную примитивность, выявив которую, о второй встрече ты и не подумаешь.

Но ты красиво хохотнула:

– Что же, попробуйте!

Я задумался, но лишь о том, что я и впрямь – балбес! Надо было заранее твоё имя узнать, а теперь разыграть необыкновенную проницательность, но умная мысль всегда где-то рядом бродит... Я принялся гадать:

– Светлана? – это первое, пришедшее мне в голову.

Ты счастливо рассмеялась и подтвердила прямое попадание:

– О! Вы не так-то просты, каким пытаетесь казаться! Подготовились и теперь лукавите!

Мне осталось лишь скромно промолчать, мысленно поблагодарив свою удачу.

– А хотите, мы зайдем в городской парк? – предложила ты, открыто глядя мне в лицо. – Там сейчас мои любимые петунии просто божественно пахнут... Ой, как же мне нравится их нежнейший аромат! Так нравится, что я даже произнесла слова, которых обычно избегаю. Красивые они, но очень уж манерные! Излишне изысканные и оттого кажутся не искренними! Но мы посидим рядом с клумбой, вся усталость от запаха петуний и улетучится. Я это точно знаю! Хотите?

Гуляли мы тогда долго-долго, и из той памятной встречи родились наши новые отношения, в которых я, теперь-то могу сознаться, упорно придерживался старомодных правил ухаживания за тобой. У современной молодежи они не в чести; но так уж воспитали меня книги и любимые советские фильмы; потому у меня в отношениях к женщинам преобладает подчеркиваемое уважение к ним, и, думаю, так и должно быть, коль они этого заслуживают! Терпеть не могу я деятелей, у которых всякие отношения подразумевают не естественную тягу к интересному и насыщенному человеку, а непременную похоть, делающую женщину в их глазах лишь объектом для известных развлечений. Но в связи с этим меня кое-что тревожило: ты-то к той самой молодежи и принадлежишь.

Сколько тебе? Всего-то двадцать три? Ну, возможно, двадцать четыре. Потому интересно знать, как ты воспринимаешь меня с позиций своего поколения?

Наверное, как нерешительного телка? Ведь я впервые поцеловал тебя только через неделю! Мы обычно просто гуляли, а я всё болтал и болтал, о чем придется, как соловей, поощряемый твоим немим интересом. Тебя, конечно, иногда тоже слушал, но ты, казалось

мне, молчала с большим удовольствием, нежели что-то рассказывала! Так мне казалось! Вот я и заливался!

В общем, если подвести итоги, то вел я себя весьма глуповато. Мне бы, если по уму, следовало больше слушать твое милое щебетание, чтобы поскорее и лучше тебя узнать, а я – вот так! Самому теперь стыдно...

А всё потому (оправдывался я перед собой потом), что, как глава нашей будущей семьи, в большей мере, нежели ты отвечаю за надежность наших отношений. И мне претит нынешняя раскованность подростков-переростков, когда в первый же час они сплетаются в экстазе, а через неделю, месяц или, в крайнем случае, через год переносить друг друга не могут! Нет, думал я, у нас должно быть иначе – раз и навсегда! Но для этого, как ни крути, а надо к тебе хорошо присмотреться.

Я уверенно опирался на свой неоспоримый жизненный опыт (именно так тогда я и считал). Бывает ведь, что всё, буквально всё, в человеке вдруг обнажается, и сразу становится очевидной его фальшивость. Особенно, при резкой смене обстоятельств люди, бывает, становятся совсем другими, неузнаваемыми. Сегодня пред собой видишь само совершенство, а завтра на проверку оно предстаёт лицемерным чудищем! Сколько подобных историй я знаю... И всегда удивлялся тому, какие пустяки выдвигались в качестве причины семейного разлада. То слишком яркая губная помада, то нестиранные на ночь носки, то привычка во всём поучать или странная задержка на работе, то пересоленная еда или пристрастие к футболу. Но ведь всё это, даже весьма непривлекательное, настолько неважно для любящих, действительно уважающих друг друга людей! Кроме, разумеется, измен и алкоголя! Но это совсем другое! Это – особо злостные пороки, к которым привыкать нельзя! И прощать их невозможно!

А кроме них любимому нужно прощать всё! (Или почти всё, иначе ссор не избежать даже в мелочах.) Любимая ведь, как и ты, тоже человек самостоятельный, самобытный, хотя и совсем другой! Но тоже личность! Почему же ей надо во всём быть не собой, а тобой? Почему прав ты, а не она?

Давно заметил, что среди любых причин разлада всегда называются не подлинные причины, а лишь поводы, придуманные в раздражении! А причины всегда кроются в себе, в каждом из нас, в неумении или нежелании потрудиться, чтобы сделать дорогого человека счастливым.

Знаю точно, люди поступают глупейшим образом, почти все, когда ищут своё собственное счастье. Или пытаются его организовать в одиночку!

Ничего из этого не получится! Счастье своими руками не сотворить! Для начала надо сделать счастливым любимого человека! И только тогда заметите, себе на удивление, что и сами вдруг стали счастливы! Это же так просто! И только так! Но люди зачем-то делают наоборот...

Глава 3

Попытки создать семью я предпринимал и раньше, но все они оказывались неудачными. Наверное, из-за высоких требований с моей стороны, которых не выдерживали претендентки. Я ведь их испытывал всячески, конечно же, тайно, докапываясь до подноготной. Потому как считал, что моя жена непременно должна быть личностью, то есть, представлять собой значительный интерес как человек. Знания, решительность, конкретные достижения в различных областях, характер, доброта и отзывчивость, умение привлекать к себе, поддерживать разговор, чувствовать юмор... Да, мало ли чего!

А вокруг, как мне казалось, многие девицы по своей сути являлись вертихвостками, все достоинства которых не распространялись дальше их внешности и молодости, вот только я до сих пор не научился их быстро распознавать. Такая особа, выйдя за меня, не только себе жизнь испортит, пребывая в состоянии непрерывной охоты за всё более выгодными мужиками, но и мне. А это обидно! Если бы и я являлся «охотником», то вряд ли чересчур переживал, даже нарвавшись на вертихвостку (ну, нашел бы себе другую). Но я-то, как раз, переживаю! Я-то не такой! Для меня все эти разводы, разъезды и всевозможные разборки станут невыносимым потрясением, которое меня обязательно добьет! После разрыва, даже сто раз оправданного и необходимого, мои раны никогда не затянутся! А если еще и дети, мои дети, останутся без отца... Это совсем никуда не годится! Потому я ищу, ищу, и постоянно сомневаюсь.

При встречах с тобой меня долго смущало заведомое понимание мною столь непростого вопроса, как существенные отличия психологии мужчины, то есть, меня, и тебя как женщины. Мы ведь, каждый, от природы даже одно и то же понимаем по-своему, очень своеобразно понимаем. Оно и понятно, мужчина и женщина – это люди настолько разные по своей физиологии, настрою психики, жизненным целям, миропониманию и реакции на одни и те же раздражители, что впору считать их существами с разных планет.

А еще говорят, будто женщины принимают все решения под воздействием эмоций, а мужики – наоборот, руководствуются логикой и совсем напрасно не принимают во внимание подсказки интуиции и собственной души. И потому совершенно непонятно, как же они, эти несовместимые по плоти и духу «инопланетяне», уживаются? Как они создают желанную для обоих семьи? Странно, что такое всё-таки возможно!

Но ведь случается! И живут дружно подолгу. И бывают счастливы. Даже при столь разительном контрасте своих приоритетов, наклонностей, жизненных принципов. Но именно потому между ними, хотя бы редко, должны сверкать молнии, звучать сокрушительные громы, а не бесконечно струиться убаюкивающая и плодотворная семейная идиллия!

Тем не менее, как ни парадоксально, иной раз мужчина и женщина идеально уживаются. Вот только для этого, о чём мало кто знает, всё же необходимо некое родство и полное совпадение душевного настроения. Зато, когда души сближаются, возникает эффект резонанса! И супруги способны понимать один другого без слов, или хотя бы с полуслова, и постоянно испытывать мощное взаимное притяжение, сила которого никак не подчиняется закону о всемирном тяготении и не может измеряться даже самыми современными и чувствительными приборами!

Именно потому нет возможности, по крайней мере, на сегодняшний день, связать на научной основе силу взаимного притяжения женщины и мужчины с возможностью случайно взятой пары создать полноценную и прочную семью. А вдруг это притяжение окажется случайным влиянием другой, более значительной массы, ранее не попавшей в поле зрения? А ведь так случается! Ну и какой вывод из этой истины для меня? Стал я лучше понимать женщин? Вряд ли! Загадок стало даже больше!

В общем, Светик, извини за ту давнюю волюнку. К чему теперь скрывать, причина для нее имелаась: очень уж я поначалу опасался твоих женских чар, которыми ты запросто могла

лишить меня соображения и воли. Опасался, что не замечу, как сдамся окончательно в твой плен.

Но позже выяснил – зря я опасался! Ты оказалась более цельной, интересной, глубокой, самостоятельно думающей, нежели я предполагал, и скоро я и минуты не мог прожить, чтобы не вспомнить о тебе, делая это с особой нежностью!

Мне вполне определенно представлялось, только из-за того, что ты существуешь, будто весь мир прекрасен, хотя раньше я не обращал на это его свойство почти никакого внимания. Теперь же я жил только для того, чтобы вечером увидеть тебя. Потому и сам переживал, понимая, что напрасно извожу тебя, не догадывающуюся, отчего это я всё тяну и тяну с решающим нашу судьбу предложением.

Так или иначе, но это было, и я стойко придерживался своего надуманного плана. «Мол, пуд соли надобно съесть, и, конечно, не в одиночку!»

При желании понять меня было вполне возможно. Я уже вдоволь насмотрелся, глядя по сторонам, как миловавшиеся поначалу супруги очень скоро раздражались по пустякам, а чуть погода вообще превращались в злейших врагов. Не наступить бы и нам на такие грабли! Очень я этого опасался, а как заглянуть в наше будущее, как мы в нем поладим, еще не знал. Одно дело – восторженные прогулки под луной, ожидание чего-то легкого и возвышенного, таинство первых открытий и признаний, и совсем уж другое – ежедневно повторяющаяся до мелочей монотонно привычная семейная жизнь, состоящая из забот и тревог в большей степени, нежели из праздников и радостей!

Тягучие будни способно скрасить лишь взаимное обожание давно притершихся супругов, но не уходящая бесследно любовь пресловутого медового месяца.

Тем не менее, время шло, а я продолжал испытывать наши отношения. Именно, наши, а не свои, поскольку с самим собой, казалось мне, давно разобрался. Еще бы! В твоё отсутствие я только тем и жил, что ты где-то есть, и я непременно увижу тебя сегодня же. Именно для того, чтобы увидеть тебя, я и жил все те счастливые дни. Жил, ждал, надеялся и страдал от не вполне понятных сомнений, но тем и был счастлив!

«Может это и есть та самая любовь, описываемая бестолковыми поэтами как вершина человеческих отношений?» – уже подумывал я, забывая о долгих прежних размышлениях на эту тему, выводом из которых всякий раз становилось, что никакой любви в том божественном виде, как ее нам навязывают романтики, просто не бывает! Любовь, это совсем не то, что обычно о ней говорят! И наоборот. О том, что следует говорить, обычно, как раз, умалчивают! И только бестолковые поэты поют о ней на все голоса! Да ведь привирают, всегда путая страсть с обожанием! Может, в этом и запрятан корень многих ошибок молодых?

«Любовь! Любовь! Если она моя, то во всём сугубо моя! Неповторимая, не какая-то там книжная или киношная! Не придуманная! Не скопированная бездумно романтическими представителями человеческого стада, но рожденная мной самим осознанно, и заключающаяся в непреодолимом стремлении моей души к твоей душе. Она в единении наших душ, оказавшихся родственными по своему мироощущению и отношению к основополагающим принципам жизни, событиям, идеалам, другим людям. И с этим пониманием я, словно пылко влюбленный юноша, ничего поделать не могу! Отныне вся моя жизнь и всё в ней устремлено в единственном направлении – к тебе! Я тебя безмерно обожаю! Я и дышу-то, казалось мне, только для тебя!»

Случалось, ты была рядом, со мной и только со мной, а я настолько сходил с ума от твоей красоты и свежести, что готов был пренебречь своей выстраданной мудростью, принципами и опытом. И до чего же сложно было мне держаться, если всякое твоё слово, каждое движение, и каждый взгляд являлись для меня бесконечно дорогими и без сомнений расценивались как нечто, самое прекрасное, с чем хотелось тут же слиться и сродниться.

И даже то, что кроме меня пока никто не разглядел в тебе потрясающего чуда, меня ничуть не удивляло и не нарушало моих выводов о тебе – люди всегда заняты лишь собой! Они слепы и бесконечно глупы, поскольку обычно живут чужим умом! Вот если бы кто-то, ими уважаемый, публично восхитился твоими достоинствами, охарактеризовав их как выдающиеся, то с того момента и они бы повторяли это без конца, пока им не подсунули бы следующий «леденец».

Я это понимал, потому даже радовался, что они не способны тебя разглядеть. Ведь стоило тебе, доброжелательной к каждому уже в силу своей внутренней природы, спокойно и уважительно заговорить с кем-то из моих потенциальных «конкурентов», а не со мной, как моя душа тягостно напрягалась от нарастающей до невыносимости боли. Но даже в такие минуты я злился не на тебя, а только на них. А тобою любовался. Хотя, помню, меня всякий раз так и подмывало взять тебя в охапку и унести в своих объятиях подальше от всех, мешающих нам оставаться наедине.

Поначалу я был уверен, что моя восторженность не иссякнет никогда – и твои достоинства тому порука. Но со временем, копаясь в себе, стал пугаться закравшейся однажды мысли, будто моё отношение к тебе со временем сможет устать, сможет выветриться и измениться. Ведь так всегда случается со всеми, кто поначалу любит бесконечно сильно. Ничего не бывает вечного, говорят в таких случаях! А собственного опыта пылкой любви и охлаждения я не имел.

«Нет! Для меня это недопустимо! – твердил я, пугаясь неизведанного в собственной душе. – У меня так не должно быть! Уже потому, что я тебя не люблю, я тебя бесконечно обожаю. О-бо-жа-ю! А это – совсем другое! Более высокое и более прочное чувство! Это не инстинкт, не животный зов тела! Это зов и притяжение души! Её отклик на то, что представляется прекрасным и уже потому притягательным... Прекрасное всегда прекрасным и остаётся! Люди всегда тянутся к нему! И бездумно превращают своё высокое тяготение в банальную любовь! В ту, которая у поэтов... Которая периодически случается у всякого живого существа! Хотя у животных не бывает обожания; у них – лишь могучий зов природы. Но и у людей он есть! Да еще какой! Часто столь сильный, что заглушает голос разума».

Неужели я сейчас такой же, как они, эти бестолковые поэты и черепахи, хотя сам о себе нечто важное раздуваю? Может, я уговариваю себя или оправдываюсь, а поступаю, ровным счетом, как любой самец под воздействием естественных гормонов?

Да нет же! Всё становится на свои места, если уяснить, что я тянусь к тебе, лишь потому, что обожаю. И убеждён, что в целом свете для себя никогда не встречу никого важнее, нежели ты. Ты – моя лучшая находка! В этом-то я абсолютно уверен. А это – продукт работы головного мозга! Не душа напела, не чувства, которым чаще всего не следует доверять! Своим мозгам я доверять привык! Стало быть, ты, Светка, на самом законном и обдуманном мною основании стала в моей жизни лучиком надежды. Ты мой Лучик! Мой Лучик света в не слишком разумном мире. Значит, ты и есть мой Лучик-Света! С тех пор я так тебя и звал, а тебе это нравилось. Лучик-Света!

В своей любви к тебе я действительно едва ли не горел в полном смысле этого слова, но не банальной страстью, а достойнейшим самого высокого одобрения обожанием. Следовательно, горел я, но не подобно спичке, которая сгорает на глазах, а потом-то что? Либо темнота, либо следующая спичка, а за ней еще одна... А мне непременно нужна одна-единственная подруга, чтобы рядом с нею гореть до конца! Размениваться на заманчивое для кого-то множество и новизну ощущений я не намерен, хотя везде подобное встречаю, и даже предвижу типовые нравоучения многоопытных донжуанов, будто только так и следует жить.

И вообще! Какая, к черту, любовь! Вспомните классическую историю любой пламенной любви! Почему, например, великий Шекспир бурную любовь своих литературных героев завершил организованной для них трагедией? Да всё просто! Не сделай он этого, пришлось

бы описывать последующие скандалы, похождения, измены и раздел имущества! Получилась бы не нравоучительная сказка о любви, полная книжных премудростей, умиляющая всех, а слепок с реальных отношений бывших влюбленных. Слепок с реальной жизни, в которой, как раз, всё бывает иначе, нежели в романах! Выползли бы наружу и взаимные недовольства, и скандалы, и измены, и другие пакости. Всё то, что не укладывается в поведение идеальных влюбленных, на вздохах которых издавна дурачат многие поколения молодых людей. Ох, уж эти вздохи! И как им верят?

Странное дело! Буквально всем нравится трогательная любовь шекспировской несчастной пары, но никто не говорит о том, почему же она оказалась столь несчастной!

Неужели не додумались? А ведь сам Шекспир пояснил, осуждая столь пылкую, но необдуманную любовь, которая не от головы, а от тела! Которая от страсти готова хоть на предательство собственных семейств, хоть на что иное! Потому и нам осуждать ее следует, а не воспевать! И детей наших всей своей родительской мудростью и воспитанием следует подталкивать не к разрушительному любовному умопомрачению, а к чему-то более разумному и управляемому разумом! Так совместная жизнь даже наших «инопланетян» получится долговечнее!

Вот для того, Светик, чтобы и у нас с тобой не случилось недописанной Шекспиром «неземной любви» состарившихся и ненавидящих друг друга супругов, следует потерпеть, пока наши естественные, но всё-таки животные страсти прогорят, а уж потом подумать, что от той любви осталось. И, тем более, только после того, а не в пылу умопомрачительных страстей, принимать решения, определяющие нашу долгую с тобой жизнь. Согласна? Да и куда нам торопиться, коль впереди вся жизнь!

Впрочем, кто же, как не ты, изображая полное согласие со мной, подтрунивала над моей медлительностью, ошибочно принимая ее за несвойственную мне нерешительность? Помнишь, как всякий раз, расставаясь вечером, ты с задорной веселостью, так мило украшавшей тебя, обычно меня пытала:

– Так что, товарищ зам. главного? Завтра наше совещание начнется в обычное время? И будет продолжаться долго-долго, и опять без какого-либо результата? – похохатывала ты, прекрасно сознавая, что я хорошо понимаю смысл твоих насмешек и не обижаюсь лишь потому, что обидеться на тебя у меня ни за что не получится.

А потом, чтобы я даже не помышлял обижаться, подпрыгивала до моего роста, стремительно целовала меня в губы и, бросаясь в подъезд своего общежития, слышала от меня вдогонку что-то вроде:

– Давыдова! Вы у меня доболтаетесь! Смотрите, премии лишу!

Глупенькая моя! Разве мог я с тобой спешить? А вдруг ты передумаешь, не захочешь оставаться со мной, не дай бог, конечно. У тебя тогда случится совсем другая жизнь, в которой мне места не окажется. Так как же я мог, мой Лучик, хоть в чем-то тебя скомпрометировать! Как, любя, мог испортить твою жизнь, пусть она и продолжится дальше без меня!

Потому ты потерпи чуток и во мне не сомневайся – я тебя не подведу! И по поводу моей бестолковости тоже не переживай! Я, в общем-то, достаточно быстрый и решительный, там, где это действительно необходимо! И тебя в обиду никому не дам!

Глава 4

Лишь в октябре, погасив очередной аврал по работе, я надумал по профсоюзной путевке отдохнуть с тобой в Батуми! Полагал, что именно там, где мы окажемся наедине и в другой, уже праздной атмосфере курорта, всё в наших отношениях проявится более отчетливо и, вполне возможно, решится окончательно! А уж тогда мы вернемся домой и, хотелось бы, немедленно распишемся!

Мой Лучик-Света ликованием отреагировала на эти планы:

– Сережка, ты даже не представляешь, какие у нас скоро начнутся счастливые времена! – и закружилась, красиво разводя руки в стороны.

– Давай уж сначала разберемся в сути твоего прогноза! – сделавшись подчеркнуто серьезным, дурашливо предложил я. – Во-первых, времена счастливыми не бывают! Счастливыми могут быть только люди. Да и то, лишь некоторые! И всего-то какие-то минуты, часы или дни! А потом они станут либо несчастными, либо – так себе, потому что привыкнут к состоянию счастья и перестанут его замечать! Во-вторых...

Ты не позволила мне закончить столь умную мысль и счастливо захохотала:

– Ой, Сереженька, ты такой умный, такой умный, что ничего вообще не понимаешь! Зачем так всё усложнять? Мы обязательно станем самыми счастливыми! Обязательно! И очень скоро! Повтори это пять раз и крепко-накрепко запомни! – смеялась ты.

Я всё больше подозревал, что ты не только хорошо меня понимала, можно сказать, видела насквозь, но и в сфере наших новых отношений ориентировалась более уверенно, нежели я!

А еще я догадывался, что ты ждала от меня более пылкого проявления чувств, но я от природы сухарь, созданный как-то не так, и не могу переломить себя через колено. Во мне всё бурлит, наверное, даже сильнее, чем в ком-то, но наружу не выходит. Сам не пускаю! Может, потому ты первая поцеловала меня и сразу убежала к себе.

Признаюсь и в том, что мою голову тогда раздражала еще одна большая заноза: о себе ты рассказывала мало и, кажется, не слишком охотно. И даже на мои вопросы отвечала хоть и точно, и вполне искренне, но слишком уж кратко и сдержанно, прямо-таки, по-военному. Потому-то меня и терзали сомнения, уж не скрываешь ли ты от меня что-то важное для нас обоих? Но спросить в лоб я не решался, дабы не обидеть.

В поезде, еще по дороге к морю, которого ты до сих пор не видела, ты приставала с просьбами рассказать о Грузии и грузинах, и даже обижалась, когда я очень серьезно отвечал, будто грузины, это такие страшные безбородые кавказцы, питающиеся виноградом, который запивают незрелым вином вперемешку с кровью.

– Ты опять со своими розыгрышами! – возмущалась ты. – Я ведь не маленькая и должна знать хоть минимум о республике, в которой мы с тобой намерены жить более трех недель! И о людях! А я знаю лишь Шеварднадзе да Кикабидзе! Весьма обаятельные, между прочим, мужчины, но ведь в Грузии есть и другие люди. И даже многие национальности! Ведь так? – подначивала ты меня.

Когда перевести разговор в шутку ты мне не позволила, пришлось отвечать:

– Ну и задачка! Рассказывать всем известное, смысла нет! Но что нового я могу сказать о народе, хоть и маленьком, в среде которого ни дня не жил? Предположим, знал я за свою жизнь нескольких грузин. Не столь уж близко, но неплохо знал! Так разве допустимо по ним судить обо всех? Впрочем, кое-что, связанное с ними, врезалось и в память, и в душу! И только теперь, уже под твоим напором, это кое-что обрело конкретную форму. Могу сказать, что один из знакомых меня часто удивлял широтой своей души, глубиной познаний и, одновременно, потрясающей скромностью. Я замечал это еще тогда, удивляясь и относя его лучшие качества

именно на национальный счет. Тем не менее, другой знакомый грузин оказался полной противоположностью первому. Мне даже рассказывать о нем противно.

– Ты шутишь! Опять решил меня заговорить, ничего не сказав?

– Светик! Всё не так! Просто сказать нечего! Знаешь, например, сколько надуманных ужасов внушили нам про Берию – он ведь тоже грузин! Мол, девочек-школьниц затягивал с помощью своих зверей-подручных в машину, насиловал у себя в кабинете, а затем убивал! После таких откровений любой нормальный человек содрогнется и возненавидит не то, что Берию, но и всех грузин. Так вот, скажу я тебе то, что официально ты нигде не услышишь! Ничего подобного не было даже в самой малой степени. Всё это, всё-всё, от начала до конца – самая отвратительная клевета на очень достойного человека! Если попытаться хоть немного разобраться в сути вопроса, то сразу проясняется, откуда ноги растут! Но об этом пока не будем! Ты помнишь, Лучик-Света, наш давний разговор? Я тогда еще говорил, что Берию оклеветал Хрущев. Так вот, второй мой знакомый по своей сути оказался куда хуже, нежели тот мифический злодей с умышленно оскверненной фамилией. И позволь уж мне все подробности не раскрывать, но хуже людей, чем тот мой знакомый грузин, я не встречал! Впрочем, национальность здесь ни при чём! Можно подумать, среди русских встречается мало низких людей? Ну, а реальных грузин ты скоро сама увидишь, и суждения о них у тебя свои появятся! Надеюсь, они окажутся хорошими.

Вспоминаю, как на пустынном берегу мы вдруг заметили совершенно нелепую будку. Она торчала над округой, словно пень в океане. Но из того пня, лишь мы приблизились, выплыл мужчина-продавец в грязнейшем халате, некогда считавшимся белым. Он, бубня что-то по-своему, протянул нам отвратительные на вкус вареные сардельки, нарубленные кусками еще до варки, чего никогда не сделает даже самая неопытная хозяйка.

Сардельки (ничего более не было) оказались несъедобными не только для нас, основательно проголодавшихся, но и для большой грязной собаки, которая лежа поглядывала на нас лениво, но с вполне понятным интересом. Ей, конечно же, достались все куски диковинного продукта, но и она не торопилась его поглощать, лишь закопала поодаль, очевидно, прогнозируя более скверное будущее в своей собачьей жизни.

Мы посетили и батумский дельфинарий, из которого вынесли одно лишь расстройство от того, что этих удивительно умных животных лишили простора и воли. И только для забавы праздных людей!

Зато, какие там аквариумы! Большие и даже огромные! Самый большой, обеспечивающий посетителям круговой обзор, тебя ошеломил сказочностью неведомой нам подводной жизни. В нем даже маленькие акулы плавали, и степенно, словно сказочные птицы, парили величественные скаты.

Из туристического любопытства мы заглянули и в пустынный, возможно, из-за прохладной погоды, ботанический сад. Говорят, будто он знаменит своей коллекцией, но, прошатавшись часа четыре без экскурсовода, мы до этого не дознались? Было бы неплохо каждое дерево и растение снабдить поясняющими табличками для таких «знатоков» как мы. Может, тогда и мы оценили бы все достоинства этого огромного субтропического сада?

Праздность нашего гуляния подтолкнула тебя к неожиданной теме.

– Серёженька, а ты за границей был?

– Только в ГДР. На отраслевом научно-производственном семинаре... Интересно было и поучительно! И завидно: они нам тогда, эти многократно битые нами немцы, такой класс продемонстрировали, немыслимый для нас, что мне надолго тошно сделалось! И вопросы всякие в голову полезли, которые вслух задавать не хотелось...

Ты засмеялась, проявив свой интерес, и сразу уточнила:

– И что же за вопросы?

– Простые, в общем-то, вопросы! Главным образом, «почему?» и «как же так?» Нам ведь тогда казалось, да и теперь кажется, будто мы, страна первопроходец в космосе, значит, во всём впереди: и в науке, и в производственных и в социальных вопросах, а тут на немецких предприятиях мы увидели такое оборудование и такие инструменты, которые нам и не снились! Высокая производительность труда, значительно выше нашей, приборы высокой точности. И, кстати, очень хорошо приспособленные к применяемым технологиям... Завидно! А их достижения в химической и оптической отраслях меня вообще в транс ввели!

– Так неужели после того, что вы там узнали, у нас самих из тех изюминок ничего не появилось? – удивилась ты, пожалуй, зная ответ заранее.

– Что тут скажешь? Отчеты об участии в семинаре мы представили, как и положено, и заявки на оборудование подали своевременно... Теперь вот ждем... Который год...

– Странно! – отозвалась ты так, словно в этой государственной неорганизованности открылась моя вина. – И это притом, что ГДР не значит на пике научно-технического прогресса! Что же нам остается думать о США, ФРГ или Японии? Кстати, что ты думаешь об их капитализме? – спросила ты заговорщически, даже понизив голос. – Надеюсь на твою откровенность, ведь ты понимаешь, что исповедоваться тебе придется без официальной трибуны? – усмехнулась ты.

– Светка! Ты от меня требуешь невозможного! С этим тебе лучше обратиться в институт США и Канады. Ищи его в составе Академии наук! – отшутился я.

– Нет уж, нет уж! От меня секретов у тебя быть не должно! – опять засмеялась ты.

– Дело-то не в секретах! Вопрос уж больно обширный и сложный! Знаешь, Маркс об этом в своё время «Капитал» в двух томах написал, я до сих пор ничего понятного для себя не найду в его баранах, сукне и кафтанах! А ты мне – капитализм! Но точно знаю, что Эйнштейн дал капитализму убийственную оценку. Точно не помню, что-то вроде: «Там люди заняты лишь тем, что отнимают один у другого собственность! И детей своих учат тому же! Беспросветность!»

Мы бродили по дорожкам ботанического сада, давно ничего не замечая, и от тоскливого однообразия спасались только беседой, которая захватила нас обоих, и ты уже по своей воле не хотела ее заканчивать, хотя вряд ли смысл беседы имел для нас столь уж важное значение. Точно так же, радуясь нашему единению, мы болтали бы на любую другую тему. И тогда ты продолжила:

– Уважаемый Сергей Петрович! А не сменить ли вам вид деятельности? Вы неплохо справились бы с должностью освобожденного парторга нашего НПО! Нынешний парторг, насколько я знаю, тоже умеет долго говорить, но ни о чём! И у тебя это хорошо получается! – ты опять расхохоталась и немного пробежала вперед, словно опасаясь, что за столь обидные слова я на тебя наброшусь. – И всё же, Сережка, скажи мне, что есть этот проклятый капитализм, который мы давно догоняем, в чём-то даже перегнали, а отстали ещё больше? Неужели нам обо всех преимуществах социализма постоянно лгут? У нас ведь в магазинах в достаточном количестве лишь дефицит имеется, а не товары! Что нужно ни спроси – всё дефицит! Колготки, автомобили, билеты, колбаса, лампочки...

– Девочка моя! Ты, кажется, высшее образование уже получила? И даже не заметила как за тебя, за твою учебу, заплатили тысяч двадцать? Прикинула? Если бы кто-то наверху, в руководстве страны, сошёл с ума и выдал тебе эту сумму на руки, то ты могла бы купить себе четыре «Москвича»! Впечатляет? А в США, где всем, как ты считаешь, очень легко всё достаётся, приходится платить самим! Тысяч двадцать-сорок в год! – ответил я, как мне самому показалось, весьма убедительно.

– Ой, ой, ой! – сразу же съехидничала ты. – Стало быть, тем американцам есть, чем платить? Или, скажешь, что у них зарплата, как и у меня, сто десять рублей чистыми? Я бы

и «Москвичи» покупать не стала, а просто перебралась бы из общежития в свою маленькую отдельную квартирку! И устроилась не инженером-конструктором, а простой монтажницей, получая в три раза больше, чем сейчас! И высшее образование мне не понадобилось бы, чтобы жизнь свою улучшить! Ну, и что мне скажете, товарищ парторг? Ведь у меня от вашей замечательной пропаганды не прибавилось ни тех «Москвичей», ни денег, ни квартиры... Да и колготок не прибавилось, так уж и быть, краснея, вам признаюсь!

– Светка, знаешь, какими качествами обязан обладать высококлассный оратор? – но ты вместо ответа, глядя мне в лицо, смешно вытаращила глаза и сморщила лоб, подчеркивая тем самым готовность слушать. – Он может не знать чего угодно, слушатели ему всё простят, если он умеет ловко высмеять все претензии своих оппонентов и, заодно, их самих. Вот и ты сейчас меня высмеяла, хорошо хоть без свидетелей, ибо они, посмеявшись надо мной, сразу оказались бы на твоей стороне, а вот от истины лишь удалились бы! Ведь не ты права, а я! Я!

– Дудки! – захохотала ты и побежала от меня по гаревой дорожке. Потом остановилась в десяти шагах и, пятясь, продолжала. – Кто хорошо понимает, тот хорошо и объясняет! А ты меня не убедил, Сереженька! Не убедил! Не убедил! Но пробовал запутать!

Я подбежал к тебе, обнял и зацеловал:

– А теперь? Теперь убедил?

– Смотря в чём! – не сдавалась ты, нырнула под мои сомкнутые руки и снова убежала вперед.

– Дай мне ещё разок попробовать! – взмолился я.

– Ты о чём? О поцелуях или о капитализме? Если о нем, так ничего нового ты мне и не скажешь! – выкрикивала ты, убегая. – Я и сама знаю, что там хорошо лишь богатеньким паразитам! Но их, слава богу, и там не так уж много! Остальным же, а это почти всё население, хуже, чем нам живётся, даже если их безработный и ездит на своём большом автомобиле-развалюхе!

– Ты, Светка, и впрямь прирожденный оратор – вмиг пригвоздила и меня, и всех американских паразитов! – захохотал и я. – Значит, у меня осталось право на попытку в чем-то другом! Срочно разворачивайся ко мне!

– Дудки! – опять убегая, заливалась ты красивым смехом.

Глава 5

В другой раз мы долго и неспешно бродили по Батуми, но ничего интересного в нем не обнаружили, разве что под ветровым стеклом буквально каждой машины замечали портретик Сталина. Он ведь тоже был грузином, хотя, вспоминая, сын Сталина Василий как-то сознался, будто «отец грузином считал себя лишь в молодости, а потом он как все, стал просто советским человеком, стоявшим на защите интересов всех национальностей большого Союза!»

«Интересно, не правда ли? – подумалось мне. – А портретики, выставленные на обозрение, это что, если не демонстрация абсолютного неверия нынешних грузин в законность и обоснованность того, что когда-то сотворил Хрущев с памятью народа о столь великом человеке, каким являлся руководитель великой страны Иосиф Джугашвили? Слышал я неофициально, что по Грузии тогда прокатилась волна массовых протестов, которые были кроваво подавлены Хрущевым. Так кто же после этого настоящий изверг?»

А помнишь, Светик, как перед нашей поездкой в Батуми, еще там, в Тамбове, ты словно ребенок радовалась, рассчитывая, что на мандариновой родине наешься этих плодов до отвала.

Не тут-то было! Оказалось, что в то время года, когда мы приехали в Батуми, а это случилось сразу после сбора урожая, все мандарины строго сдавались только государству по установленным им же закупочным ценам. А уже государство потом продавало их населению страны. Продажа в частном порядке до установленного срока, кажется, до первого ноября, хотя бы одного-единственного оранжевого шарика рассматривалась как уголовное преступление! Потому, когда я пытался так или иначе купить тебе заветные плоды, все продавцы, что в магазинах, что на рынках, отвечали одно: «Нэту, дарагой! Совсем нэту!» Более того, они пугались, подозревая во мне провокатора!

Так мандаринов мы и не попробовали. Зато в каждом магазине свободно продавалась вкуснейшая красная рыба! У себя в Тамбове мы ее и не встречали никогда! И коньяк здесь продавали на рубль дешевле, нежели везде! И никто его не запрещал!

А ещё в Батуми же на прилавке ювелирного магазина мы впервые обнаружили нечто незнакомое и странное для себя – какое-то белое золото! Что это – мы тогда не знали. В библиотеке я взял энциклопедию и выяснил, что это драгоценный сплав золота, платины, никеля и серебра. Говорят, высший шик! Но не для людей с нашими зарплатами!

Несколько позже мы выяснили, что всякого рода дефициты на прилавки Батуми, как тогда говорили, «выбрасывали», как и по всей стране, только в конце месяца. То есть, для выполнения невыполненного магазинами плана продаж. Ходовых-то товаров для выполнения этого плана иной раз не хватало, тогда недобор покрывали товарами, которые мгновенно «улетали» с прилавков.

Оно и понятно! Огромные неиспользуемые накопления местного населения, торгующего в частном порядке, нерационально «замораживались». Следовало вернуть их в экономику! Это непреложный закон и социализма, и капитализма! А «замораживалось» много, если принять во внимание, что некоторые, подчеркиваю это, некоторые грузины вполне официально были сказочно богаты. Ещё бы! По статистике каждая сотка земли в субтропическом климате этой республики обеспечивала средний доход в тридцать тысяч рублей! Это в то время как для большинства работников страны суммарная зарплата всей жизни не дотягивала до годовой мандариновой радости!

Впрочем, столь благодатная земля и в Грузии была крайне дефицитна. Доставалась она, разумеется, не всем даже «избранным»!

Всяческого рода ограничения, вводимые государством, не позволяли грузинам чрезмерно богатеть за счёт крайне благодатных местных условий на фоне остального населения страны. И всё же те, «кому положено», продолжали немисливо наживать!

Сегодня кое-кто ехидничает, мол, в СССР почему-то боролись не с бедностью, а с богатством! Не спорю! Так и было! И было это правильно и справедливо! По крайней мере, тому казалось справедливо, кто на своей шкуре попробовал гниловатую психологию и мораль богатеньких! В общем, правильно тогда их давили, богатеньких! У них ведь обязательно возникла торгашеская, то есть, не наша, не социалистическая мораль, подразумевающая, что деньги решают всё! Можно даже так сказать: если не будет богатых, то не будет в стране и бедных!

Более всего нас удивил батумский общепит! Его порядки ни за что не забыть! Помнишь, мы как-то, пропустив обед в санатории, заглянули в городской ресторан, расположенный под крышей центрального универмага? Окна в виде стеклянных стен до высокого потолка давали возможность с высоты птичьего полета наблюдать панораму моря. Оно в то время штормовыми волнами зло облизывало расположенный рядом причал. Грохот их борьбы был слышен всюду. Иногда низкие тучи открывали перспективу, и становились понятными беспредельные возможности моря, с которыми причал лишь до поры мог не считаться, не разрушаясь под натиском обрушающихся на него холодных водных масс! Только издалека эта картина никого и не пугала...

Через приоткрытое окно воздушная струя разносила по залу запах моря... Хотя в действительности, поверьте мне, так пахнет не само море, а гниющая тина, выброшенная ранее на разогретый солнцем берег. Сейчас же, во время шторма, солнце ретировалось, а море и небо слились в единое бушующее целое, каждая из составляющих которого сама по себе является опасной стихией, способной с легкостью вызывать большие беды.

Но иногда и эти стихии могут порадовать непередаваемой красотой и даже кротостью. Правда, тогда она, когда за окном буянил шторм, казалась совершенно нереальной.

В ресторане не пустовали лишь два-три столика – рабочий день в самом разгаре! Полированные столешницы почему-то не покрыты скатертями! Посуда до боли примитивна. Трудно было представить, как в ресторане обошлись без вилок! Это уж абсолютный нонсенс! Но мы с тобой лишь посмеивались над всеми неудобствами (мол, японцы вообще палочками едят), чтобы легче переносилось непредвиденное безобразие! Мы, ничем не возмущаясь, ждали своего часа, и были счастливы.

Наконец, и нам принесли заказанное: большой, словно веник, пучок экзотической травы аж на три рубля, будто ее нам из Уругвая вместе с самолетом продали, и она не растет здесь повсеместно. Ну и еще кое-что, лишь на вид аппетитное!

Ты не удержалась от комментариев:

– Ёксель-моксель! Сережка! Ты что-нибудь понимаешь? Куда ни глянь, всюду дивная красотища вперемишку с непомерной наглостью! Мы с тобой словно за вражескую границу попали!

Но у меня под коньяк, а у тебя под сухое красное вино вся эта «дивная красотища» пошла за милую душу!

Пока мы ели и болтали, обмениваясь своими наблюдениями, на сценку для оркестра, пристроенную в виде подиума в углу зала, стали взбираться, вяло переругиваясь между собой, местные лабухи с музыкальными инструментами.

Один из них самым странным образом напоминал Эйнштейна. Его объемная физиономия с торчащими по периметру кочьями волос казалась непомерно больших, прямо-таки, пугающих размеров. Видя, что зал пустоват, он выбрал нас в качестве жертв и с веселой наглостью подсел, сразу предложив мне сделку:

– Командир, положи три рубля на барабан; я для тебя весь вечер играть буду!

Я уже привык к тому, что в Батуми нас всюду пытались облапошить и выпотрошить! Чаще всего применялись традиционные методы известных всем прилипчивых цыганок-гадалок – лишь бы разговорить, чтобы задурить, лишить инициативы, кое-в-чем даже пристыдить, порождая у жертвы ослабляющее ее чувство безотчетной вины. В общем, обработать психологически, а потом завладеть, чем придется! Я понял, что и сейчас отрабатывается аналогичный сценарий, потому с усмешкой известил барабанщика, что мы скоро уходим и барабан нам абсолютно не нужен.

Эйнштейн бросил взгляд на мой непустой графинчик, покачал огромной головой и не поверил:

– Командир! Зачем хозяев оскорбляешь своим недоверием? Пока ты с милой дамой у меня в гостях, я в твоём полном распоряжении, а вы под моей защитой! Так и знай! Для хороших людей ничего не жалко!

«Очень занятно звучит!» – только и подумал я.

Но три советских рубля, деньги совсем не малые. Расставаться с ними мне не хотелось. И, ты же понимаешь, проблема состояла не в моей мнимой жадности. Ведь всего за минуту до того к нашему столику – вспоминаешь? – подходила грузинка в кружевном белом фартуке с корзиной цветов, но она, как обычно, даже не предлагала мне их купить с заготовленными заранее словами «купите для вашей дамы». Она лишь чертила своей тележкой большие круги вокруг нашего и соседних столиков. Её расчет был простым, но эффективным! И хотя именно таким образом она всякий божий день раскачивала самых зажимистых мужиков, которые, боясь опозориться, вынужденно демонстрировали свою щедрость, но для тебя, Лучик, я и без ее приемчиков раскошелился с удовольствием. Правда, сразу же надумал сконфузить эту ушлую грузинку, чтобы впредь не давила мужикам на психику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.